

Алексей Константинович Толстой (1817 - 1875)

Благовест

Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый,

В край благодатный,
Забытый мною, -
И, непонятной
Томим тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,

И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

1840-е годы

* * *

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре -
О, не грусти, ты все мне дорога!
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю, к нам, ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной
О ней поток гремит струею холодной,
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще - неволя недолга -
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега.

1858

* * *

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Как глас упрека, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети!

Да вспряну я, Тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

1858

* * *

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и Слова.
И просветлел мой тёмный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.
И с горней выси я сошёл,
Проникнут весь её лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздаётся,
Как сердце каменное гор
С любовью в тёмных недрах бьётся,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струёй подьёмлется певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что всё рождённое от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К Нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

1851 или 1852(?)

* * *

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь;
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Меня Господь не сотворил.

И гнев я свой истратил даром,
Любовь не выдержал свою,
Удар напрасно за ударом
Я отбивая устаю.
Навстречу их враждебной вьюги
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну раненный в бою.

1857

* * *

Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягчённая склоняется глава.
И он, не ведая ни радости, ни веры,
В меня вдыхает злость - к кому, не знаю сам
И лживым зеркалом могучие размеры
Лукаво придаёт ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,
Весёлость им у нас надолго отнята,
И сердце он моё напитывает ядом
И речи горькие влагает мне в уста.
И всё, что есть во мне порочного и злого,
Клубится и растёт всё гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Всё то, что я люблю, чем верю и живу я.

1858

* * *

О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище
Среди миров иных;
Помедли здесь со мной, на этом пепелище
Твоих надежд земных!

От праха отрешась, не удержат полёта
В неведомую даль!
Кто будет в той стране, о друг, твоя забота
И кто твоя печаль?

В тревоге бытия, в безбрежном колыханье
Без цели и следа,

Кто в жизни будет мне и радость, и дыханье,
И яркая звезда?

Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконечной
Единое звено,
И выше восходить в сиянье правды вечной
Нам врозь не суждено!

1858

* * *

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слёзы, в пространство от них упадая звездами,
Светлой и длинной вились за ней вереницей.

Встречные тихо её вопрошали светила:
«Что ты грустна? и о чём эти слёзы во взоре?»
Им отвечала она: «Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю.
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить кого бы!»

1858

Мадонна Рафаэля

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила;
Любовь небесная затмила
Её земную красоту.

А Он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперёд — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

1858

И. С. Аксакову

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.
Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.
Но я не чужд и здешней жизни;
Служа таинственной отчизне,
Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.
Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа —
Его стремленья я делю,
И всё земное я люблю,
Все ежедневные картины:
Поля, и сёла, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
*И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;*
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбережный разлив,
И скрип кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую,
И свист саней на всём бегу,
На славу кованную сбрую,
И золочёную дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;
И все мне дороги явленья,
Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.
Но всё, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мирозданья,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,

Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа;
И что её, всегда чаруя,
Зовёт и манит вдалеке —
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

январь 1859

* * *

В стране лучей, незримой нашим взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным хором
Своих молитв немолчные дары;

Блаженством там сияющие лики
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты;

Всё, что они желали и любили,
Всё, что к земле привязывало их,
Всё на земле осталось горстью пыли,
А в небе нет ни близких, ни родных.
Но ты, о друг, лишь только звуки рая
Как дальний зов в твою проникнут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!

Прощальный взор бросая нашей жизни,
Душою, друг, взглядишь в мои черты,
Чтобы узнать в заоблачной отчизне
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой встречи,
В стране лучей и помнить и грустить!

август или сентябрь 1856

* * *¹

Ассирияне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки;
И без счёта их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звёзд.

Словно листья дубравные в летние дни,
Ещё вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали развеяны тьмы.

Ангел смерти лишь на ветер крылья простёр
Идохнул им в лицо, и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

Вот расширивший ноздри повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нём.

Вот и всадник лежит, распростёртый во прах,
На броне его ржа, и роса на власах,
Безответны шатры, у знамён ни раба,
И не свищет копьё, и не трубит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сражённый мечом до конца,
Весь растаял как снег перед блеском Творца.

сентябрь 1856

---

¹ Перевод стихотворения Джорджа Гордона Байрона «The destruction of Sennacherib»